

Ю. В. СТЕННИК

**ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И СТИЛЯ В ЖУРНАЛЕ
«СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО СЛОВА»**

Проблема выработки норм литературного языка сохраняла свою актуальность на всем протяжении XVIII в. И хотя представления о средствах достижения стилевой выразительности в отдельные периоды менялись, общим оставалось понимание масштабности задач, которые были поставлены перед литературой новой эпохи. Важной вехой в этом процессе стала деятельность Российской академии и вышедшего под патронажем ее директора, одновременно и президента Академии наук, княгини Е. Р. Дашковой журнала «Собеседник любителей русского слова». О целях основанной академии Дашкова заявила в речи, произнесенной на ее открытии 21 октября 1783 г. Она говорила о достоинствах природного русского языка, способного соперничать по богатству своих возможностей с наследством знаменитейших ораторов и поэтов античности. Но «при всех сих преимуществах недоставало языку нашему предписанных правил постоянного определения речениям и неперменного словам знаменования... учреждением сей императорской Российской академии представлено усовершенствовать и возвеличить Слово наше... сочинение грамматики и словаря будут первым нашим упражнением».¹

Работа над академическим словарем объединила целое поколение русских писателей и ученых конца XVIII в. Его создание как бы завершило длинную цепь проб и подступов, предпринимавшихся до этого момента силами отдельных подвижников, вроде К. А. Кондратовича или А. И. Богданова, чьи труды были в свою очередь подготовлены лексикологическими разысканиями Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова.

---

¹ Дашкова Е. Р. Речь при открытии Императорской Российской академии, говоренная... в 1783 году. М., 1803. С. 3—4.

Специфической особенностью теоретического осмысления проблем нормирования литературного языка в XVIII в. было то, что теоретиками в основном выступали сами писатели. Это помогает понять известный дилетантизм многих филологических трудов эпохи и своеобразный прагматизм конечных установок подобных разысканий. Проблемы орфографии и этимологии, размышления о месте иноязычной лексики в языке писателей, установление пределов стилистической значимости отдельных лексических групп в различных поэтических жанрах — таковы основные направления лингвистических интересов. На первом плане стояли проблемы стилового нормирования.

Очень скоро обнаружилась потребность в создании некоего научного центра, который бы объединял усилия всех посвятивших себя усовершенствованию русского языка. Прообразом такого органа стало Российское собрание, возникшее при Академии наук в 1735 г. Руководителем собрания был В. К. Третьяковский, мысливший его задачи в подготовке переводов произведений античных и современных авторов, а также в создании толкового словаря русского языка и грамматики. Последнюю задачу фактически выполнил М. В. Ломоносов.

Российское собрание просуществовало всего три года, и сведений о его деятельности почти не сохранилось. О нем вспомнил в 1758 г. Ломоносов в «Записке о необходимости преобразования Академии наук». Излагая проект регламента необходимых для Академии научных подразделений, он выделил Российское собрание и определил основные направления его деятельности. Ломоносов связывал с работой собрания надежды на оживление изучения русского языка. Это видно из докладной записки на имя президента Академии наук графа К. Г. Разумовского от 7 января 1758 г.: «Для умножения книг российских, чем бы удовольствовать требующих охотников, не достает станов, переводчиков, а больше всего, что нет Российского собрания, где б обще исправлять грубые погрешности тех, которые по своей упряжке худые употребления в языке вводят».² При жизни Ломоносова проекты его остались неосуществленными.

Сходные заботы о судьбах национального языка высказывал в эти годы и А. П. Сумароков в статье «О коренных словах русского языка». Отмечая природное богатство отечественного словарного фонда, Сумароков обрушивается на бесполезные увлечения новейшими словообразованиями за счет заимствований из других языков и навязывания русскому норм, противоречащих его природным

---

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 27.

свойствам. В создании специального органа, призванного заниматься усовершенствованием природного языка, Сумароков предлагает воспользоваться примером Франции: «Французский язык всею своею красотою остроумным писателям должен, а наш сам собою прекрасен; и ежели умножатся у нас Стихотворцы и Риторы, а притом по времени *такое же как у французов учредится для исправления и распространения языка собрание*, счастливы будут писатели потомков наших».³

В 1770-е гг. функции организующего центра по усовершенствованию русского языка взяло на себя Вольное российское собрание, созданное при Московском университете в 1771 г. В него входили многие известные писатели и поэты того времени, в частности Фонвизин, Державин, Княжнин. Впоследствии все они станут членами Российской академии. Входила в него и княгиня Дашкова.

Тот факт, что приоритет в постановке теоретических вопросов, касавшихся формирования литературного языка, принадлежал в основном писателям, помогает понять еще одну особенность характеризуемого процесса. Будучи неотделимым от решения конкретных творческих задач, рассмотрение языковых проблем оказывалось одной из форм утверждения национального самосознания, включаясь в круг идеологической борьбы своего времени. Показательна в этом отношении резкость, с какой реагировал Ломоносов на появление псевдонаучных пособий, вроде подготовленной А.-Л. Шлецером на немецком языке «Российской грамматики», в которой отдельные этимологические изыскания о происхождении значения русских слов, оставались на уровне фантастических домыслов, поражали своей бестактностью и явным невежеством.⁴ Еще ранее, в 1749 г. Ломоносов подверг резкой критике «Русско-латино-французско-итальянский лексикон», подготовленный Г. Дандало и содержавший немало ошибок в истолковании значения русских слов и их этимологических соответствий с лексическими рядами латинского, французского и итальянского языков.⁵ Вот почему неоднократные попытки одиноких энтузиастов, вроде К. Кондратовича или А. Богданова, создать толковый словарь русского языка отвечали насущной потребности времени. В свете этих попыток находят свое объяснение и те курьезы в области этимологических изысканий, которые допускались Тредиаковским или Сумароковым в их стремлении утвердить приоритет древнеславянского праязыка в системе других европейских языков.

³ Трудолюбивая пчела. СПб. 1759. С. 97, (курсив мой. — Ю. С.).

⁴ См. отзыв Ломоносова на труд Шлецера от 6 августа 1764 г.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. 1955. Т. 9. С. 426—428.

⁵ Там же. С. 621—624, 939—940.

Актуальность всех отмеченных особенностей процесса формирования литературного языка сохранялась и ко времени выхода «Собеседника». Роль писателей в этом издании, прямая связь его с деятельностью Российской академии, наконец, общественно-идеологическая окраска обсуждения на страницах журнала, казалось бы, чисто языковых проблем — все эти моменты отразились по-своему на его содержании.

«Собеседник любителей русского слова» начал издаваться примерно за полгода до официального открытия Российской академии.⁶ То, что его фактический редактор, княгиня Е. Р. Дашкова, стала вскоре директором академии лишь подчеркивает связь между этими двумя событиями, и естественно, как уже замечал Н. А. Добролюбов, что «в „Собеседнике“ рядом со статьями о нравах встречаются определения синонимов, вместе с лучшими произведениями того времени — филологические исследования о свойствах славянского языка или критики»⁷. Добролюбов указал и предшественника «Собеседника» среди русских периодических изданий того времени — издававшийся Г. Л. Брайко журнал «Санктпетербургский вестник» (1778—1781), в котором помещалось немало научных статей, литературных сочинений и художественных переводов. Почти все наиболее авторитетные участники этого издания вместе с княгиней Дашковой (в их числе Г. Р. Державин, В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, М. В. Храповицкий) станут позднее сотрудниками «Собеседника».

Среди других изданий, своеобразно предшествовавших «Собеседнику», следует назвать журнал «Академические известия» (1779—1781) — информативный орган Академии наук, где публиковались сведения о научных достижениях в разных областях знаний, переводы иностранных авторов (Вольтера, О. Голдсмита, Ж.-Ж. Руссо и др.), порой печатались новинки отечественной литературы. Из историко-филологических публикаций заслуживает нашего внимания помещенная в III части журнала статья В. П. Светова «Некоторые общие примечания о языке российском», отличающаяся широким историческим подходом. Автор излагает свою версию происхождения современного русского литературного языка (он определяет его термином «Новороссийский», в отличие от дописьменного «Славенского» и сформировавшегося после введения письменности «Славенороссийского»). Лексическое богатство русского языка, по мнению В. П. Светова, роднит его с другими европейски-

---

⁶ Первое объявление о «Собеседнике» появилось 14 апреля 1783 г. в «Санктпетербургских ведомостях» (№ 30), а в третьей декаде мая первая книга журнала уже вышла из печати.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 193.

ми, в частности с немецким и латинским, которым он генетически родствен. Подтверждение такого родства Светов находит в многочисленных лексических соответствиях и приводит примеры в ходе своих рассуждений. Устанавливая отличия нового русского языка от его предка («Славенского»), автор статьи видит в их взаимодействии один из главных источников обогащения литературных стилей, развивая по-своему идеи Ломоносова.⁸

Вторая часть статьи была посвящена конкретным вопросам трансплантации новых лексических понятий на русскую почву. Автор ратовал за сохранение чистоты языка, засоряемого неумелыми писателями, вводящими новые «речения» (например, «землетворение» вместо традиционного земледелия, «рукомесло» вместо ремесла, «жнитва» вместо жатва и т. д.). Все это только безобразит русский язык. В то же время В. П. Светов резко выступает против механического перенесения в его состав иноязычной лексики (апелляция, фонтан, лектура, парпет и т. п.). Рекомендации, которые он предлагает, помогают уловить истоки будущих споров по стилистическим вопросам на рубеже XVIII—XIX вв.

Таким образом, обсуждение на страницах «Собеседника любителей российского слова» вопросов лингвистического характера было по-своему подготовлено предшествующей традицией, сложившейся в русской периодике XVIII в. Филологических статей, имеющих чисто научный характер, в журнале немного. Это перепечатанная из «Санкт-петербургского вестника» статья неизвестного автора «О правописании слова *драма*» (Ч. 1. С. 109—111); приближающаяся к трактату статья «Начертание о Российских сочинениях и Российском языке», принадлежавшая автору, скрывшемуся под псевдонимом Любослов (Ч. 7. С. 143—161); и наконец, это статья О. П. Козодавлева «Мнение о разделении российских согласных букв в рассуждении произношения пред ними З и С и о правописании по сему разделению». (Ч. 16. С. 81—87).

Небольшая заметка о правописании слова *драма* любопытна тем, что вопросы орфографии рассматриваются в ней в контексте исторической традиции. Автор статьи выступает против укоренившейся в России в XVIII в. практики написания этого слова с двумя буквами *м*.⁹ Такой обычай он связывает с ориентацией русских ав-

---

⁸ «Из соединения Славенского и Российского диалектов с приобщением к тому слов, в среднем веке у Россиян в употреблении бывших, кои хранятся в старинных летописях и грамотах и требуют еще толкования, коль огромный словарь может некогда составиться. Сих последних найдется весьма великое число и можно ожидать тем обогащения нашего языка». (Академические известия. СПб., 1779. Ч. 2. С. 82).

⁹ Например: «Беглецу, драма в пяти действиях, г. Мерсиера» (М., 1784); «Укусник, драма в трех действиях г. Мерсиера...» (М., 1785); «Драмматический словарь...» (М., 1787) и др.

торов на греческие слова, заключающие в своей корневой основе двойное *м* (грамматика, эпитаграмма, программа и др.). Но в самом греческом языке слово «драма» (*δραμα*), замечает он, пишется с одним „*м*“, как, кстати, и в других европейских языках. Характерен вывод, приобретающий общеметодологическое звучание в свете той остроты, какую для русского литературного языка XVIII в. имели проблемы восприятия иноязычной лексики и норм ее написания: «...мне кажется, и во всех словах, вошедших в российский язык, надобно держаться орфографии того языка, от которого мы какое слово приняли, а не подражать в произношении и в правописании слов и имян греческих и латинских, французам и итальянцам... Ежели же какое слово, хотя и греческое, вошло к нам из другого языка и привычкою утвердилось, как, например, *трон, театр, комедия, трагедия*; то кажется неудобно и слуху противно будет писать *фрон, феатр, трагодия, комодия*. Слова же *Афины, Фемистокл* и им подобные, поелику они вошли в российский язык прямо от греков, то и писать их должно, следуя греческой орфографии».¹⁰

Несколько более обширным и по-своему программным было «Начертание о Российских сочинениях и Российском языке». Статья явилась ответом на пожелание издателей «Собеседника» познакомиться с собственными сочинениями Любослова, учитывая ту жесткую критику, которой он подверг сочинения всех других авторов, помещенных в 1-й книжке журнала.

Относительно личности того, кто скрывался под псевдонимом Любослов, полной ясности на настоящий момент нет. Назывались фамилии секретаря Российской академии И. И. Лепехина, И. Морозова, епископа Дамаскина (Дмитрия Семенова-Руднева), даже П. С. Батурина.¹¹ «Начертание» представляло собой сжатый трактат, своеобразно развивавший идеи статьи В. П. Светова, опубликованной в 1779 г. в «Академических известиях». В нем излагались условия, долженствовавшие обеспечить совершенство литературных сочинений: «первое, чтобы все периоды основаны были на грамматических правилах... второе, чтобы не потерять достоинств описуемого вещества; третье, чтобы не нарушать свойств языка своего»

---

¹⁰ Собеседник любителей российского слова. СПб., 1783. Ч. 1. С. 110—111. В дальнейшем все ссылки на это издание следуют в тексте статьи с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

¹¹ Обзор различных точек зрения на этот счет содержится в статье Н. Д. Кочетковой «Любослов — сотрудник „Собеседника любителей российского слова“» (XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 422—428). Исследовательница разделяет гипотезу П. Н. Беркова, считавшего автором «Начертания» Дамаскина. Об идентичности Любослова и П. С. Батурина писал С. М. Некрасов в книге «Российская академия» (М., 1984. С. 42).

(VII, 144). В итоговом заключении, обращенном к сочинителям, Любослов остается на уровне требований риторической школы Ломоносова. Именно на стиль ораторской прозы ориентирует он писателей, когда заявляет: «...совершенное сочинение только то называться может, которое в изображении известной материи достаточно, приятным различием в предложении слов и мыслей украшено, сильными мыслями и словами им сообразными обогащено и чисто в свойствах Российского языка» (VII, 146). Повторяя по-своему мысли Ломоносова, автор именно в достоинствах языка черпает основание для утверждения идей национального самосознания: «Что же касается до преимуществ Российского языка, то, не обинуясь, утвердиться можно, что он избытком, красотой и важностью превосходит все новейшие языки» (VII, 148). И как бы в подтверждение этого тезиса в заключении статьи Любослов приводит таблицу лексических пар, устанавливающую родственность «Славенского» языка, предшественника русского литературного языка, с латинским, в ряде случаев прямо повторяя наблюдения, содержащиеся в статье В. П. Светова.

Статья О. П. Козодавлева, отмеченная явным дилетантизмом, носила сравнительно частный характер. Помещенная в последней книжке «Собеседника», она, согласно наблюдению С. М. Некрасова, представляла собой доклад, прочитанный автором на заседании Российской академии 9 августа 1784 г. «Мнение члена академии господина Козодавлева о употреблении букв З и С».¹²

Значительно больший интерес представляют материалы критического характера. Речь идет о статьях, в которых постановка стилистических и языковых проблем вытекает из предпринимаемых авторами оценок других сочинений, опубликованных на страницах «Собеседника». Появление подобных статей было спровоцировано самой редакцией журнала. В конце первого номера «Собеседника» было помещено письмо издателей, в котором читателям предлагалось стать арбитрами публикуемых на его страницах материалов: «Ежели кто хочет написать критику на какое-либо сочинение, находящееся в сем собрании, не искать других типографий к напечатанию таковых критик или сатир, но присылать оныя прямо к издателям сего Собеседника или на имя Ея Сиятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, конечно, прикажет оныя без наималейшей перемены напечатать...» (I, 160). При этом конечная цель таких критических корреспонденций мыслилась в том, «чтоб Российское слово вычищалось, процветало и сколь возможно служило к удовольствию и пользе всей публики...» (там же). Этот сти-

---

¹² Некрасов С. Российская академия. М., 1984. С. 67.

листический аспект критики полностью согласовался с направлением деятельности будущей Российской академии, хотя само приглашение в журнал его оппонентов преследовало не только научные цели.

Призыв редакции был услышан, и уже во втором номере журнала появилось «Послание к господам издателям Собеседника от Любослова» (II, 106—117). Это был дотошный, постраничный критический разбор всех опубликованных в первой книжке журнала материалов с точки зрения допущенных в них нарушений грамматических, логических, стилистических и даже орфографических норм русского литературного языка. Издатели сочли необходимым сопроводить публикацию «Послания» Любослова вступительной заметкой, где завуалированно дали понять автору, что его критика не совсем приятна лицам, возглавляющим редакцию журнала и его высокопоставленным покровителям. В дополнение к этому в последующих номерах журнала стали появляться полемические отклики и даже пародии на статью Любослова. Решение стилистических и филологических проблем начинало приобретать идеологическую окраску, и дальнейшие публикации материалов подобного рода обнажают своеобразное размежевание двух лагерей. На одном полюсе располагаются критические выступления, продолжившие почин Любослова. Это прежде всего «Сумнительные предложения господам издателям Собеседника от одного Невежды, желающего приобрести просвещение» (IV, 11—26). Статья принадлежала П. С. Батурину.¹³ В ней как бы была продолжена критика, начатая ранее Любословом в отношении материалов, опубликованных в 1-й книжке «Собеседника». Правда, в отличие от предшественника, наблюдения «невежды» касались преимущественно логических несоответствий, встречавшихся в стиле произведений: нарушение смысла фразы в результате неточного употребления слов, противоестественность метафор и сравнений, крайности усложненной парафрастичности стиля. Все эти огрехи, выявленные в стихотворениях Державина, Богдановича, Муравьева, автор «Сумнительных предложений» детально анализирует, доказывая необходимость строгого соблюдения правил логики и грамматических законов родного языка как первейшего условия совершенства воплощения всякой поэтической мысли.

Редакция журнала предоставила возможность поэтам, чьи произведения подверглись разбору, ответить на замечания «невежды». Полемика обозначилась уже в том же, 4-м номере «Собеседника», поскольку возражения «невежде» со стороны Державина были помещены в подстрочных примечаниях к самой критике.

---

¹³ Фамилия автора была установлена Б. А. Модзалевским, опубликовавшим «Записки» П. С. Батурина, из которых явствовало, кто скрывался под псевдонимом «невежды» (Голос минувшего. 1918. № 1—2. С. 65.)

Другим автором, выступившим с критическими репликами в адрес основного вкладчика «Собеседника», Екатерины II, был С. П. Румянцев. Его письма «к г. Сочинителю записок о Российской истории» (III, 167—172) и «к сочинителю „Былей и небылиц“» (VII, 164—168), правда, не касались языковой стороны сочинений императрицы. Но придать полемике характер лингвистических несогласий поспешили сами издатели «Собеседника». В 8-й части журнала редакция поместила «Прошение к господам издателям «Собеседника» от «всегдашнего Собеседника читателя», полное уничижительных нападок на последнее письмо С. П. Румянцева. «Прошение» содержало обращение к редакции «не отягощать публику такими сочинениями, которые писаны языком неизвестным» (VIII, 27). Анонимный оппонент Румянцева (не исключено, что под псевдонимом скрывалась княгиня Е. Р. Дашкова) особо подчеркивал языковые недостатки его писем. В них, по его мнению, «едва ли есть строка, написанная русским слогом» (VIII, 29). Ссылаясь на образцы дотошной критики Любослова, автор «Прошения» подвергает упомянутые сочинения столь же строгому суду и сам предпринимает попытку публично обнажить невежество своего противника, разобрав несколько неудачных выражений С. П. Румянцева. Завершалось «Прошение» рекомендацией: «Ежели вам сочинитель сего письма знаком, то посоветуйте ему поучиться прежде Российской грамматике, а потом уже отдавать свои сочинения печатать» (VIII, 31).

Нападки на Любослова и на автора, принявшего псевдоним «Ни одной звезды во лбу не имеющий» (им был С. П. Румянцев), повторились в следующем, 9-м томе «Собеседника», опубликовавшем письмо к издателям и «Краткие записки разнощика». (IX, 7—16). Автором письма и «Записок» была княгиня Дашкова. Она вновь привела не выдержанные в стилистическом отношении фразы из сочинения С. П. Румянцева «Петр Великий» (VII, 169—177), сопроводив их язвительными комментариями.

Иногда, впрочем, полемика носила характер мистификации. Неизвестные и, по всей вероятности, мнимые оппоненты редакции «Собеседника», вызывая огонь на себя, своей критикой по существу популяризировали стиль и манеру «критикуемых» ими сочинений. Именно так, по-моему, обстоит дело с обменом письмами между анонимным автором письма, «содержащего критику на „Были и небылицы“» (VI, 175—178), и ответившим ему тут же Каноником (под этим псевдонимом скрывалась, по-видимому, сама Екатерина II) (VII, 117—119). Как пишет анонимный автор письма, в «Былях и небылицах» «мы не видим общих мест риторических, служащих многим авторам в их творениях»; они писаны «без фигур, употребляемых всеми витиями: неоспоримо, что повсюду блещет в

них приятная простота и легкость штиля, но зато лишены они огромных метафор» (VI, 176). За внешними претензиями к стилю «Былей и небылиц» скрывается фактически ироническое высмеивание программы Любослова. Главный «недостаток» неизвестный критик видит в том, что «Все тонкие, острые, иногда и глубокие мысли, рассыпанные в Былях и небылицах, нисколько не украшены слогом громким, важным и высоким, каковым следуя правилам Риторическим изъяснить их должно было» (VI, 177). Ответ Екатерины II, помещенный в следующей, 7-й части журнала, выдержан в тоне фамильярного балагурства, в каком написаны все «Были и небылицы». «Каноник» высмеивает своего критика именно за излишнюю ученость и педантизм: «Ах! сударь, я не надивляюсь часто, как суходлинные и сучковатые мысли ныне сглаживаются хорошо утюгом грамматикального слога... До метафор, по совести сказать, я не чрезмерный охотник с того времени, как я слышал от соседа моего, как шуты, шпыни и балагуры оными, аки шаром, играют. Сверх того и худо знаю, что есть Метафора. Попрошу на сих днях, чтоб перевели мне по-русски, что значит: ибо иностранных слов не разумею» (VII, 117—118). Если учесть, что в пассаже относительно метафор обыгрывается один из вопросов Фонвизина, прямо метивший в личность Л. А. Нарышкина, исполнявшего в узком кругу императрицы роль шута, которого Екатерина в своих ответах поспешила взять под свою защиту, то идеологическая подоплека выходок против любителей «грамматикального слога» становится очевидной. Но тем самым проясняется и истинная цена завуалированной «критики», которую анонимный автор письма обращает на стиль «Былей и небылиц».

Из подобного рода мистифицированной перепалки, а также откликов на статьи Любослова, Невезды и «Ни одной звезды во лбу не имеющего» формировалось другое критическое направление, в равной мере проявлявшее заботу о нормах литературного языка, но уже с позиций отстаивания интересов редакции издания. Помимо Екатерины II и Е. Р. Дашковой в полемику в той или иной степени оказались втянутыми писатели и поэты: Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович. Солидарность с позицией издателей «Собеседника» проявили и неизвестные, реальные или мнимые, поклонники журнала, вроде звенигородского корреспондента, приславшего в редакцию два письма, или корреспондента из Карасбазара, укрывшегося под псевдонимом «Старой служивой». В каждом письме вслед за дежурными комплиментами в адрес редакции журнала авторы переходили к вопросам нравственного *воспитания*, и решение этих вопросов оказывалось нередко сопряженным с проблемами этимологии слов и определением понятий, которые эти слова обозначают. Тем самым обсуждение языковых и стилистических проблем неразрывно сливалось с проведением определенных

идеологических установок, сущность которых очень скоро обнаружилась в реакции на эти материалы со стороны издателей.

Повторилось нечто подобное тому, что имело место в 1769 г. в период знаменитой полемики между «Трутнем» и «Всякой всячиной». Только теперь полемика развернулась не между журналами, а внутри одного журнала. И кроме того, предметом полемики теперь стал не вопрос о прерогативах сатиры, а проблема языка как орудия убеждения и как средства художественной выразительности. То, что платформой для столкновения различных точек зрения стал один журнал, позволило редактору его, княгине Дашковой, и находившейся рядом с нею Екатерине контролировать ситуацию и направлять завязывавшиеся споры в нужное им русло. Наглядным примером такой редакционной политики стала публикация «вопросов» Фонвизина в 3-ей части «Собеседника», сатирический эффект которых был, конечно, существенно ослаблен в результате приложенных к ним «ответов» Екатерины II. Повторялись и отдельные приемы полемики — например, для нейтрализации аргументов противной стороны редакция прибегала к вышучиванию стиля оппонентов посредством пародии. Наглядный пример тому видим в явно мистифицированном письме от «неизвестного», обращенном к издателям Собеседника в 8-й части журнала (с. 152—155), в котором пародировался стиль вступительной части «Начертания о Российских сочинениях и Российском языке» Любослова.

Своеобразное программирование идеологической позиции журнала под видом решения языковых вопросов отчетливо проявилось с первых же номеров «Собеседника». В упоминавшемся уже письме из Звенигорода автор пишет, что благодаря журналу «язык Российской способом оной (книги. — Ю. С.) вычистится, слова прямые определятся и установятся; что сочинения русские размножатся...» (II, 8). И после вполне лояльных рассуждений о пользе сатирических сочинений, порицающих слабости и пороки, корреспондент просил издателей определить «прямой смысл названия честного человека», а также смысл слов «воспитание» и «благородство». Следовавшая далее статья, принадлежавшая, как указывалось в тексте, одному из издателей (по-видимому, Е. Р. Дашковой), выполняла пожелание Звенигородского корреспондента, обстоятельно и со знанием дела рассмотрев как с исторической, так и нравственно-педагогической точки зрения все аспекты значения слова *воспитание*. В сущности эта статья являлась выражением официальной позиции редакции журнала по всему комплексу вопросов, касавшихся нравственного, физического и светского воспитания молодых людей. Это была своеобразная программа подготовки нужных сословному обществу людей, пронизанная идеями патриотизма и утверждавшая культ дворянской этики, как его понимала княгиня Дашкова.¹⁴

¹⁴ «Просвещение в вельможе неисчетную пользу обществу приносит, поелику

Но прошло всего несколько месяцев и в 7-й части «Собеседника» публикуется новое письмо к издателям журнала, на этот раз от «Старого служивого» из Карасбазара, в котором автор письма, ссылаясь на статью из 2-й книжки (посвященную значению слова «воспитание»), вновь просит помощи в вопросах определения смысла слов. Только, в отличие от звенигородского корреспондента, просившего «о определении *точного смысла известным словам*», житель Карасбазара просит помощи в «определении *точного слова известному смыслу*» (VII, 9). «Прослуживший» всю жизнь в армии (отсюда характерный псевдоним — «Старой служивой»), корреспондент озабочен поисками в русском языке слова, которое бы воплощало собой смысл, вкладываемый в понятие *дисциплины*. Он тут же, ниже, сам дает и определение значения данного слова, из которого становится ясен смысл публикации на страницах журнала подобного письма: «*Дисциплина есть орудие уметь в военное тело поселить военную душу и снабдить оную страстями ей свойственными; а необходимость подчиненности и послушания вменить в добродетель*» (VII, 12). Заключительная часть определения разительно напоминает стиль екатерининского ответа на последний вопрос Фонвизина относительно свойств русского национального характера.¹⁵ Иносказательный подтекст подобной публикации становится ясен, если помнить, что она появилась в том же номере, где «Ни одной звезды во лбу не имеющий» выступил с язвительными нападками в адрес автора «Былей и небылиц», а еще ранее, в 3-й книжке журнала весьма неуважительно отозвался о сочинителе «Записок касательно российской истории». В обоих случаях автором была Екатерина II.

Письмо «Старого служивого» носило, конечно же, характер своеобразной отповеди зарвавшемуся критику, как напоминание о необходимости соблюдения почтения к вышестоящим (т. е. «дисциплины»). Но показательно, что окрик был облечен в форму этимологических разысканий. Рассуждая о значении слов, «житель Карасбазара» отстаивает вполне определенное понимание общественной функции литературы.

Интересно в этом отношении второе письмо звенигородского корреспондента к издателям «Собеседника», опубликованное в 3-й части. Неизвестный поклонник журнала вновь обращался к редакции с просьбой — изъяснить на этот раз «прямой смысл слова *чуб-*

подчиненные ему будут им отличаемы не за подлые от них к нему услуги или *таканье* (данная дегаль позволяет считать автором статьи княгиню Е. Р. Дашкову. — Ю. С), но за достоинства и за исправность в возложенном на них служении» (II, 23).

¹⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2 С. 275.

ствительность. Сие бы послужить могло к избежанию великих ошибок, в кои руководствующие воспитанием впадают» (III, 155). И вслед за тем звенигородский корреспондент указывает на решающую роль языка в общественной практике: «Ошибкам людским я разные источники обретаю. Первый из оных *недоразумение слов*, от чего последует и недоразумение вещей; второй: *ложные сравнения*; третий: *ложные применения...*» (III, 156). Перед нами, по существу, своеобразная декларация, раскрывающая внесоциальное объяснение мотивов человеческого поведения. Это первые подступы к зарождению теоретических постулатов эстетики сентиментализма. Характерно, как в самом поиске понятий, призванных выразить новые аспекты в истолковании значения слова «чувствительность», автор прибегает к варваризмам, предвосхищая по-своему стиль карамзинских статей 1790-х гг.: «Благородная или похвальная *чувствительность* есть ничто иное, как внутренний в душе и совести нашей *Монитор* (уведатель), который остерегает нас противу поступка или слов, кои могут кому-нибудь нанести зло или оскорбление». И наоборот, «ложная чувствительность относит все только к себе; по чему я одну отраслю *Эгоизма*, а другую дщерию общественной добродетели почитаю» (III, 156—157).

Дуализм в истолковании разновидностей понятия «чувствительность» имел своей целью обозначить эмоции, способные «нанести зло или оскорбление», т. е. нейтрализовать критику. В этом издатель «Собеседника» были солидарны со своим звенигородским корреспондентом.

Несколько иначе оценивали свои задачи Любослов и «Невежда». Выше уже отмечалось, что вопросы языка в материалах, подписанных этими псевдонимами, затрагивались не сами по себе, но в контексте решения проблем стилистической критики. Статья Любослова «Послание к господам издателям „Собеседника“» содержала детальную критику с точки зрения выдержанности стиля сочинений, помещенных в 1-й книжке журнала. С первых же фраз автор устанавливает четкую грань между разными ступенями восприятия литературного произведения — восприятием, основанным на действии сердечного чувства, и рассудочным восприятием. Согласно требованию последнего, достоинства и важность языка произведения должны покоиться на следовании правилам российского краснословия. Непоследовательность в соблюдении этих правил приводит к ошибкам. Анализ ошибок и составлял содержание предпринимаемой со стороны Любослова критики.

Любослову нельзя отказать в общей образованности и хорошем знании грамматических тонкостей языка. Его скрупулезное прочтение текстов и пристрастие к каждому мало удачному с точки зре-

ния формальной логики или стиля, или правил грамматики выражению не лишено педантизма. И в этом он остается наследником тех традиций литературной критики, какие существовали во времена споров между Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым. Не случайно в аргументации критика тут и там следуют ссылки на авторитет Ломоносова, а в качестве опоры при анализе невыдержанности стихового строя в произведениях Е. Р. Дашковой и М. Н. Муравьева Любослов дважды цитирует анонимную сатиру на Тредиаковского, написанную, по-видимому, еще на рубеже 1760-х гг. и традиционно приписываемую А. П. Сумарокову.¹⁶

Любослов находит 33 грамматических, стилистических и логических ошибки практически во всех сочинениях, опубликованных на страницах 1-го номера «Собеседника». Ни знаменитая «Фелица» Державина, ни его ода «На рождение в севере порфиородного отрока», ни сочинения княгини Дашковой и Екатерины II, ни «Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина, не говоря уже о произведениях других авторов, не избежали его придирчивого суда.

В первой же строфе «Фелицы» критик обнаруживает отсутствие «ясности и соглашения», т. е. строгой логической связи между призывом к обозначенному в начале строфы адресату оды и мыслью, заключенной в последних двух стихах строфы, обращенных к «добродетели». Любослов даже предлагает свой вариант концовки строфы, устранявший, по его мнению, это логическое несоответствие.

Не приемлет Любослов и утяжелявшую стихи инверсию в 12 строфе оды:

Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти.

Здесь он предлагает свой вариант, который, по его мнению, «сходнее с правилами поэзии и красноречия».

Нельзя не признать справедливость замечания Любослова, касающегося 20 строфы, в которой критик усмотрел нарушение правила согласования падежей в предложении. Державинские стихи:

В часы твоих отдохновений \ Ты пишешь в сказках поучений
— вызвали реплику Любослова: «*Писать* принимает падеж винительный, а не родительный», (II, 108). Я. Грот, издавший в XIX в. академическое собрание сочинений Державина, обратил внимание на эти стихи и объяснял их привычкой поэта давать окончание ви-

---

¹⁶ Речь идет о сатирическом стихотворении, находящемся в известном рукописном сборнике «Разные стиходействия» (ИРАИ, р. II, оп. 1. № 635), где оно помещено под № 34. А. Н. Афанасьев опубликовал его текст в статье «Образцы литературной полемики прошлого столетия» (Библиограф. зап. 1859. № 15. Стб. 518).

нительного падежа в подобных словах через *-и*.¹⁷ Однако уже с конца XVIII в. в последних прижизненных изданиях Державина замечание Любослова было учтено и стихи печатались в исправленном виде:

В твои от дел отдохновенья
Ты пишешь в сказках поученья.

Данная поправка принадлежала поэту И. И. Дмитриеву, которому Державин разрешал править свои стихотворения вместе с В. В. Капнистом,¹⁸

Чисто стилистический характер носило замечание Любослова относительно неудачного стиха из последней строфы оды:

Прошу небесныя я силы.

Это замечание свидетельствовало о тонком поэтическом чутье критика. Соседство местоимения «Я» с равнозвучающим окончанием предшествовавшего прилагательного создавало нагромождение одинаковых гласных и лишало стих благозвучности. Любослов и здесь предложил свой вариант стиха:

Небесные прошу я силы.

И примечательно, что Державин счел возможным воспользоваться советом критика. Начиная с издания 1808 г. приведенный стих заключительной строфы печатался в исправленном виде.

Вновь на невыдержанность грамматического согласования родов существительного и относящегося к нему отглагольного прилагательного указывает Любослов в тексте другого произведения Державина — в «Стихах на рождение в севере порфиородного отрока». Критика обращена была на стихи:

В это время столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча Порфиородно
В Царстве северном рожден.

«Рожден должно быть также в среднем роде как и *порфиородно*» (II, 112), — замечает критик, и при всем педантизме и кажущейся мелочности его нападок, с точки зрения требований грамматики его замечания были совершенно справедливы. По существу

---

¹⁷ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., Т. 1. С. 145.

¹⁸ Там же. С. XIII.

критика Любослова своеобразно предвосхищала известное заключение Пушкина о Державине, которое поэт сообщил в письме к А. А. Дельвигу от первых чисел июня 1825 г. из Михайловского: «По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка — (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихотворства. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо».¹⁹

Пожалуй, еще более убедительными предстают те критические замечания, которые Любослов высказывает в адрес автора «Послания к слову *так*» (им была сама княгиня Е. Р. Дашкова). Уже в первой вводной фразе, содержащей обращение автора к воображаемому адресату — слову *так* («...вразумясь в важность силу и точность смысла, кое вы существительно в себе содержите, я не могу довольно надивиться терпению вашему... и т. д. (I, 15), критик подмечает две существенные грамматические ошибки, касающиеся нарушения правил согласования членов предложения: «вразумляться принимает падеж творительный; и для того должно: *вразумясь важностию, силою и точностию смысла*, притом местоимение кое, относящееся к предидущим трем существенным именам, не можно сказать в среднем роде, но во множественном числе: *кои*» (II, 109). Трудно не признать справедливости критики Любослова, какой бы мелочной по существу она ни казалась. Аналогичное нарушения правила грамматического согласования критик отмечает на той же странице в фразе: «Но простите, если в сей раз, заимствуя вольности, с которою с вами обходятся, я к вам как случится в стихах или в прозе свою речь обращаю» (I, 15—16). Любослов по поводу этой фразы пишет: «Глагол *заимствовать* принимает винительный, а не дательный падеж. Должно писать: *заимствуя вольность*» (II, 109).

Не обходит своим вниманием Любослов и стилистические огрехи, встречающиеся в сочинении Дашковой, причем в критике своей опирается на авторитет Ломоносова, ссылаясь на положения его «Риторики»: «г. Ломоносов для красоты слова советует убегать частых повторений Я. А в послании к слову *Так* в последних небольших периодах местоимение Я пять раз, кроме многих окончательных употреблено, где не более бы одного разу сказать должно было» (II, 109—110). Сходного характера замечание сделано относительно стихов послания:

---

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 181—182.

Коварный клеветник, сплетая небылицу,
Напишет нам из ней он целую страницу:

«Клеветник и после указательного местоимения ОН. Где есть лицо, образующее смысл, там уже не свойственно местоимение», — замечает Любослов (там же).

Уже по этим рассмотренным в самых общих чертах замечаниям на сочинения Державина и княгини Дашковой можно судить об уровне требований, какие критик предъявлял к литературному языку. Это все та же установка на строгое соблюдение грамматических правил и ясности выражения художественного смысла с явным тяготением к нормам, утверждавшимся «Риторикой» Ломоносова. В то же время неоднократное цитирование в статье стихотворной сатиры 1760-х гг., высмеивавшей устаревшие штампы церковнославянизмов, свойственные стилю Тредиаковского, позволяет сближать позицию Любослова с отдельными положениями критических статей Сумарокова периода его борьбы с выпренностью одического стиля Ломоносова.

Аналогичную позицию сторонника безупречной чистоты логического выражения художественной мысли занимал и «Невежда». Показательно его замечание к следующему двустихию державинской «Фелицы»:

Да дел твоих в потомстве звуки
Как в небе звезды возблестят.

«Звуки блистать не могут, — пишет критик, — звездам свойственно блистать, а звукам греметь. Я думаю, что все метафоры должны быть основаны на возможности действительной или мысленной» (IV, 14). И характерно, что, отвечая на это замечание «Невежды», Державин также ссылается для доказательства своей правоты на примеры того же Ломоносова: «В натуральном смысле, конечно, звезды блистают, а звуки звучат, но в витиеватом или фигуральном, а особливо Стихотворцы в пренесении одного свойства другому, несвойственному или совсем противному, то есть в метафорах обыкновенно говорят, например: вместо славные дела отличаются, *славные дела блистают, красота сияет, пламень жрет, земля стонет*, хотя первые лучей, второй зева, а третья гласу не имеют, подобно как берега рук; а господин Ломоносов написал: *берега Невы руками плещут...*» (там же). Державин еще остается сторонником той системы метафоризации одического стиля, которая была введена в русскую поэзию Ломоносовым, хотя сами принципы панегирического восхваления дел монарха, примененные им в «Фелице», были

качественно иными. Не случайно оппонент Державина нашел нужным возразить против «уподобления поэзии лимонаду». Такое уподобление, по мнению критика, «не только кажется непристойно, но еще и несправедливо. Если лимонад может быть вкусен только летом, напротив того, хорошая поэзия и какова есть в оде сей, может нравиться и летом и зимою» (IV, 13). Державин воспользовался малоудачным доводом оппонента и свел свое оправдание к рассуждениям о прохладительных свойствах лимонада. Но суть вопроса, поднятого «Невеждой», состояла конечно в другом. Речь шла об отходе в оде Державина от понимания гражданственного назначения поэзии, И здесь критик выступал последователем позиции Ломоносова, для которого уподобление поэзии лимонаду было бы, конечно, исключено. В основе критических нападок «Невежды», кстати и Любослова, лежало отставание не только чистоты и ясности литературного стиля, но и незабываемости традиций поэтической школы русского классицизма середины XVIII века.

По сути дела в полемике на страницах «Собеседника» обозначилось зарождение тех споров, которые в начале XIX в. развернутся после выхода в свет книги адмирала А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». Новые стилистические веяния, пришедшие в литературу с утверждением сентименталистской поэтики, обновление поэтического словаря новыми лексическими образованиями, жеманная слезливість стиля в контексте потрясений, связанных с результатами французской революции, вызовут новый подъем интереса к проблемам языка, напомнив о стилистических традициях XVIII в. И в свете этих споров, казалось бы, отвлеченные прения о языковых проблемах на страницах «Собеседника любителей русского слова» в 1783 г. обретают свое закономерное историческое место.